

В.А. Маслова

**СОВРЕМЕННЫЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
НАПРАВЛЕНИЯ**

КСР

Методические рекомендации

2003

УДК 801(075.8)
ББК 81.0 я 73
М 31

Автор: доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания УО «ВГУ им. П.М. Машерова» **В.А. Маслова**

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания УО «ВГУ им. П.М. Машерова» **Е.Ю. Муратова**

В данных методических рекомендациях представлены основные тенденции и направления современного языкознания, т.е. языкознания конца XX – начала XXI века. Этот материал еще не нашел отражения в вузовских учебниках по курсу «Общее языкознание».

УДК 801(075.8)
ББК 81.0 я 73

© УО «ВГУ им. П.М. Машерова, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Методические рекомендации по КСР (контролируемой самостоятельной работе) в курсе «Общее языкознание» представляют материал, который еще не нашел отражения в вузовских учебниках по данному курсу. Разработка материалов по КСР отвечает новым требованиям к вузовскому процессу обучения, когда некоторая часть изучаемого материала должна быть изучена студентами самостоятельно, но под контролем преподавателя.

Количество лекционных часов по курсу «Общее языкознание» не позволяет в полном объеме познакомить студентов-выпускников с новыми веяниями в лингвистике, прочесть же об этом можно только в десятке монографических исследований. Чтобы облегчить им эту задачу, и создавалось данное пособие, в котором представлен не только теоретический материал, но и ряд заданий и вопросов, а также ключи к ним.

Издание призвано познакомить студентов с новейшими лингвистическими направлениями конца XX – начала XXI века. **Цель данной работы** – выработать общелингвистическую перспективу и умение разбираться в новых направлениях и течениях науки о языке.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ (лекция)

План лекции

1. Парадигмы научного знания.
2. Антропоцентрическая парадигма в лингвистике.
3. Лингвистика текста.
4. Коммуникативная лингвистика.
5. Лингвокультурология.
6. Когнитивная лингвистика.

Литература к теме

- Арутюнова Н.Д.** Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М., 1974.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.** Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, Т. 2.
- Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат. М., 1958.
- Гадамер Г.Г.** Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.** Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- Горелов И.Н.** Разговор с компьютером: Психолингвистический аспект проблемы. М., 1987.
- Гумбольдт В.** Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Звегинцев В.А.** Социальное и лингвистическое в социолингвистике // Известия АН СССР, СЛЯ, 1982, № 3. С. 254.
- Жинкин Н.И.** Речь как проводник информации. М., 1982.
- Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кравченко А.В.** Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996. С. 34-41.
- Крысин Л.** Изучение современного русского языка под социальным углом зрения // РЯШ, 1991, № 5.
- Кубрякова Е.С.** Семантика в когнитивной лингвистике. (О концепте контейнера и формах его объективации в языке.) Известия АН. Серия литературы и языка, 1999, № 5-6. С. 3-6.
- Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Кубрякова Е.С.** Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии, 2001, № 1 (7).
- Кун Т.** Структура научных революций. М., 1977.
- Маслова В.А.** Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
- Маслова В.А.** Лингвокультурология. М., 2001.
- Мезенко А.М.** Современный именник белорусов // РЯ и Л, 1999, № 5.

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // В.А.Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1960.

Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

Серио П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ. Вып. 1. Харьков, 1993.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.

Степанов Ю.С. Вступительная статья // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.

Тарасов Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.

Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. М., 1995.

Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // ВЯ, 1996, № 2.

Щедровицкий Г.П. Как возможна «лингвистика текста»: две программы исследований // Лингвистика текста. Ч.2, М., 1974.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

Энквист Н. Стили как стратегия в моделировании текста // Известия АН СССР, СЛЯ, 1988, № 4. С. 332.

ПОНЯТИЕ ПАРАДИГМЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Термин «**парадигма научного знания**» появился в трудах американского ученого Т.Куна, который в 1962 г написал ставшую широко известной книгу «Структура научных революций» (русский перевод был сделан в 1977 г.). Тогда же перед исследователями встал вопрос о парадигме как модели постановки проблем и совокупности приемов их решения.

Т. Кун предлагает представление о парадигме как о некоторой совокупности знаний и особенностях подхода к объекту исследования (здесь – к языку). Научная парадигма – это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун, 1977, с. 11).

Известно, что «в лингвистике парадигмы не сменяют друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» (Серио, 1993, с. 52).

На сегодняшний день в современной лингвистике нет однозначного подхода к выделению парадигм, смена которых и составляет историю языкознания. Исследователи выделяют различное количество научных парадигм на протяжении развития лингвистики.

Ю.Н. Караулов называет историческую, психологическую, системно-структурную и социальную парадигмы (Караулов, 1987).

В.И. Постовалова выделяет имманентно-семиологическую, антропологическую, теoантропокосмическую (трансцендентальную) парадигмы (Постовалова, 1999).

Е.С. Кубрякова говорит о четырех ведущих парадигмах: «традиционной, генеративной, когнитивной и коммуникативной. Каждая из них сочетает – хотя и в разных соотношениях – элементы формального описания с функциональными объяснениями... Но каждая из них представляет особую модель описания языка и решения главных проблем в его организации и функционировании» (Кубрякова, 1999, с. 190).

Мы склонны видеть лишь три научные парадигмы – **сравнительно-историческую, системно-структурную** и, наконец, **антропоцентрическую**.

Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX век прошел под эгидой этой парадигмы.

При системно-структурной парадигме внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово. Даже в третьем тысячелетии можно исследовать язык все еще в рамках данной парадигмы, ибо она продолжает существовать в лингвистике, а число ее последователей все еще довольно велико. В русле этой парадигмы по-прежнему строятся учебники и академические грамматики, пишутся различного рода справочные издания. Фундаментальные исследования, выполненные в рамках этой парадигмы, являются ценнейшим источником сведений не только для современных ученых, но и для будущих поколений лингвистов, работающих уже в иных парадигмах.

Антропоцентрическая парадигма – это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 71).

Нет единства мнений относительно названия современной парадигмы изучения языка. Многие ученые – Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др. – называют современную научную парадигму когнитивной. Едва ли с этим можно согласиться: когнитивная лингвистика – это только один из аспектов проблемы «человек в языке и язык в человеке». Термин **антропоцентрическая парадигма** представляется нам более удачным, ибо позволяет охватить не только когнитивную лингвистику, но и лингвокультурологию, коммуникативную лингвистику, этнолингвистику, в центре которых также стоит человек.

Идея антропоцентричности языка – ключевая в современной лингвистике. В наше время целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы. Сейчас уже представляется невозможным изучение языка без модуса его существования – человека. А это и есть **антропоцентризм**.

Как же формировалась данная парадигма? Антропоцентрически ориентированная лингвистика зародилась не на пустом месте. Еще Гумбольдт дал определение языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека» (Гумбольдт, 1984, с. 304).

Французский лингвист Э. Бенвенист одним из первых в системное описание языка ввел автора и адресата в качестве необходимых компонентов. Одну из частей своей «Общей лингвистики» он назвал «Человек в языке». Поскольку язык – сложнейшее явление, Э. Бенвенист писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики» (Бенвенист, 1974, с. 45).

Ю.С. Степанов еще в 70-е годы прошлого века заявил об антропоцентризме как о главном принципе современной лингвистики: «...Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной, словом такой, какой мы ее находим в книге Бенвениста...» (Степанов, 1974, с. 15).

Тенденцию к антропоцентризму в 80-е годы выразил и В.А. Звегинцев: «Требование гуманизации не ограничивается рамками социолингвистики...Это требование в действительности также вписывается в общую тенденцию, которая становится все более ощутимой в современной лингвистике в целом» (Звегинцев, 1982, № 3, с. 254).

Победой антропоцентризма можно считать 90-е годы, когда антропоцентризм был признан главным принципом лингвистики. Как особый принцип исследования он заключается в том, что «научные объекты изучаются

прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» (Кубрякова, 1995, с. 212).

Антропоцентрический взгляд на язык приводит к расширению области лингвистических исследований, это своего рода экспансионизм лингвистики, которая стремится к расширению своих горизонтов. Так, возникают психо- и этнолингвистика, социо- и паралингвистика, лингвокультурология и прагмалингвистика. То, что настанет пора расширенного толкования лингвистики, предвидел еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, который считал, что «языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 18).

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленны языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, например, метафоры типа: *метель разыгралась, метель укутала людей, снежинки пляшут, звук уснул, сережки берез, идут года, ложится тень, объятый тоской*. Особенно впечатляют яркие поэтические образы: *мир, пробудившись, встрепенулся; лениво дышит полдень; лазурь небесная смеется; свод небесный вяло глядит* (Ф. Тютчев).

Никакая абстрактная теория не сможет ответить на вопрос, почему можно думать о чувстве как об огне и говорить *о пламени любви, о жаре сердец, о тепле дружбы* и т.д. Осознание себя «мерой всех вещей» придает человеку право творить в своем сознании антропометрический порядок вещей, исследовать который можно не на бытовом, а на научном уровне. Этот порядок, существующий в голове, в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей. Все это можно понять, исследуя речь человека, те обороты и выражения, которые он наиболее часто употребляет, к которым у него проявляется наивысший уровень эмпатии.

В процессе формирования новой научной парадигмой был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Витгенштейн, 1958, с. 31). Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, а в центре внимания стала личность носителя языка (языковая личность, по Ю.Н. Караулову). Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. В антропоцентрической парадигме изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, преобразился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания (Фрумкина, 1996, с.55).

Следовательно, формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в языке, культуре, обществе. Существует даже предположение, что XXI век должен стать веком торжества гуманитарных наук, центральное место среди которых отводится

лингвистике. **Лингвистика**, наука о языке, уже в наше время начинает занимать **авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания**, и обойтись без ее помощи при изучении других гуманитарных наук невозможно. Примером тому может служить философия.

Суть в том, что человек в своей деятельности имеет дело не с реальным миром, а с репрезентациями этого мира, с когнитивными картинками и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму языка народа, который видит этот мир. Вероятно, это и дает основание Ю.С. Степанову сказать, что язык как бы незаметно направляет теоретическую мысль философов и других ученых (Степанов, 1985, с. 5).

Действительно, крупнейшие философы XX века П. Флоренский, Л. Витгенштейн, Н. Бор, Р. Карнап создавали свои философские концепции, опираясь на язык. Так Р. Карнап сказал: «Логический анализ языка – единственная задача философии». Возник термин **лингвистический поворот**, который описывает ситуацию, сложившуюся в философии в 20-30-е годы. Это своего рода языковая революция в философии: примером тому являются лингвистическая философия Витгенштейна «Логико-философский трактат», феноменология Э. Гуссерля «Логические исследования», фундаментальная онтология Хайдеггера, неопозитивизм. Они рассматривали обыденный язык как источник заблуждений и философских проблем и противопоставляли ему язык, упорядоченный в соответствии с законами логики.

Выдающийся мыслитель нашего времени Х.Г. Гадамер прямо утверждал, что «язык – единственная надежда на освобождение» и писал, что философия «срослась с языком и только в языке имеет свое бытие» (Гадамер, 1991, с. 144).

М. Хайдеггер, отводя центральное место в своих концепциях языку, считал именно язык, а не природу или окружающий нас мир первосущностей «домом бытия» человека, ибо язык не только отражает, но и создает ту реальность, в которой живет человек. Мы знаем, что дом имеет ряд функций, например, защиты, следовательно, *дом бытия* – защищенное бытие, т.е. язык – защита бытия. М. Хайдеггер сказал, что язык задает пределы бытию и бытие в языке ограничивает человека, т.е. не люди говорят на языке, а язык «сам от себя говорит» посредством людей. Отсюда следует, что защита – важная, но не единственная функция. Дом бывает тесным, т.е. он ограничивает действия человека. Он имеет окна, позволяющие выглянуть. Отсюда – бытие человека в языке и посредством языка может иметь метафизическое измерение.

Сегодня философы стремятся извлечь из словаря данные о мире. Через вселенную словаря языка познают вселенную как реальность.

Таким образом, «языкознание имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» (Вежбицкая, 1999, с. 263), а человек становится тем центром, на который ориентированы все основные ценности современной лингвистики.

Итак, антропоцентрическая парадигма ставит на первое место человека, а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, не мыслим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Саму идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: человек предстает в качестве естественной

точки отсчета в языковой картине мира и в ряде лингвистических концепций. И соответственно, антропоцентрическая парадигма в науке – это то, с чем нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционной – системно-структурной парадигме.

В рамках новой парадигмы возник целый ряд новых лингвистических дисциплин (лингвистика текста, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика и др.), хотя некоторые из них существуют уже десятилетия, даже краткие сведения о них не попали в вузовские учебники.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Наиболее ярко сущность антропоцентрической парадигмы проявляется в текстовых исследованиях. Текст невозможно изучать вне человека, который является его творцом и получателем.

Мир текстов – это тот лингвистический космос, изучение которого будет продолжаться до тех пор, пока существует человек, деятельность и общение. Поворот лингвистики к тексту стал революцией в лингвистике. Так финский лингвист Н. Энквист писал: «Для некоторых из нас осознание решающего значения текстуальных и дискурсивных факторов было равносильно по своим последствиям революции. Мы смогли теперь, например, объяснить, почему в определенных предложениях в тексте мы находим пассивную конструкцию или топиализацию, или экстрапозицию, или экзистенциальную конструкцию» (Энквист, 1988, с. 332).

Лингвистика текста начала формироваться еще в 60-е годы XX века, но фактически до 80-х годов текст был лишь источником материала, необходимого для изучения поведения элементарных языковых единиц. Сейчас ситуация в корне меняется – расширяется традиционный объект исследования: возникает лингвистика, ориентированная именно на изучение текста. Текст начинает пониматься как «первичная данность и исходная точка всякой гуманитарной науки» (М.М. Бахтин), а лингвистика, по словам Г.В. Степанова, становится «служанкой при тексте».

Объектом исследования лингвистики текста становятся вначале «правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» (Николаева Т.М. Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 267).

Постепенно объект исследования расширяется. Текст начинает изучаться как социально-речевое произведение, к его анализу привлекаются данные семантики, теории речевых актов, функциональной стилистики, а также целого ряда смежных наук – психолингвистики, семиотики, литературоведения, информатики, логики, психологии и других наук. Поэтому вопрос о границах лингвистики текста до сих пор считается дискуссионным: включает ли она в себя прагматику, функциональную семантику, риторику или же пересекается с ними; как соотносится лингвистика текста с психолингвистикой и теорией коммуникации. Эти вопросы на сегодняшний день являются открытыми.

Современному пониманию текста предшествовало несколько этапов в развитии лингвистики текста. Отечественная лингвистика текста ведет свою предысторию из 20-30-х годов XX века, в то время как самая ранняя из известных нам зарубежных публикаций датирована 1952-м годом.

Количество работ по лингвистике текста растет в геометрической прогрессии: если, по свидетельству С.И. Гиндина, только с 1940 по 1975 годы число публикаций отечественных ученых достигло 700, то теперь их около десяти тысяч. Становление русской лингвистики текста шло собственным оригинальным путем и начиналось с синтаксического подхода к тексту. Сторонники его утверждали, что методы синтаксического анализа можно распространить и на текст. Это, например, работы И.А. Фигуровского, Л.М. Лосевой, сборник «Синтаксис текста», вышедший в 1979 г. в издательстве «Наука» и др. Думается, что для текста действительно важен анализ отношений между предложениями, которые выступают как речевые события, организующие текст. Но чтобы описать семантические отношения в тексте, нужно знать много экстралингвистических факторов, например, учитывать зависимость текста от ситуации, от социального и временного окружения, от автора и читателя, а это, как известно, гораздо больше, чем анализ простой последовательности семантико-синтаксических записей предложений. В русле синтаксического подхода были выполнены работы, содержащие попытки подойти к тексту через актуальное членение (Л.В. Карпова, В.А. Квятковский, Т.Р. Котляр и др.).

Синтаксический подход возник почти одновременно со стилистическим, начало которому было положено Н.С. Пospelовым, блестяще проанализировавшим произведения А.С. Пушкина. Значительно позже Г.А. Золотова применила сведения о сложных синтаксических целых при анализе карамзинской повести.

В 60-е годы возникло структурно-семантическое направление, в рамках которого исследуются проблемы организации текста, его структурные и семантические характеристики, закономерности стилистической организации, некоторые механизмы функционирования текстов.

Современный этап развития лингвистики текста начался с 80-х годов. В этот период возникла общая лингвистика текста, представленная работами А.А. Акишиной, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперина, В.А. Кухаренко, Т.М. Николаевой, З.Я. Тураевой и др.; прагмалингвистика текста – работы американского лингвиста Т.А. Ван Дейка, Э.С. Азнауровой, Л.А. Киселевой, Г.В. Колшанского и др.; семиотический подход, разрабатываемый Р. Бартом, Ю.М. Лотманом, Б.А. Плотниковым, Г.В. Степановым и др.; понимание текста – работы Г.И. Богина, А.А. Брудного, Р.В. Скотаренко (это направление сближается с герменевтикой); интерпретация текста – В.З. Демьянков, К.А. Долинин, В.А. Кухаренко, Г.Г. Молчанова и др.; социопсихолингвистический и семиопсихолингвистический подходы – А.И. Бабайлова, Т.М. Дридзе, О.Д. Наумова и др.

Одним из самых перспективных и интересных, с нашей точки зрения, является подход к тексту как выражению определенных функций в рамках речевой деятельности участников коммуникации. В этом направлении работают А.А. Брудный, И.Н. Горелов, Т.М. Дридзе, И.А. Зимняя, Н.И. Жинкин, О.Л. Каменская, Ю.А. Сорокин и др.

Характерной чертой данного подхода являются попытки разработать такой метод анализа текста, который позволил бы объективировать интуитивные представления исследователей о ряде параметров текста. С этой целью широко используются психолингвистические методики, психолингвистический эксперимент.

Перечисленные подходы, конечно же, не исчерпывают всего многообразия исследований, посвященных лингвистике текста, они дают лишь общую ориентацию в океане работ. Принципиально важно при этом, что названные подходы не исключают, а дополняют друг друга, хотя все они достаточно разные, т.к. задают различные направления развития лингвистических исследований.

В целом разделяя мысль А.Е. Супруна о том, что текст – это форма существования языка, рассмотрим актуальный для лингвистики вопрос о взаимодействии языка, речи, текста.

Одни исследователи отождествляют текст с речью, со всем многообразием ее манифестаций – письменной и устной реализацией, монологической и диалогической формой, различными стилевыми и жанровыми разновидностями. Сюда можно отнести работы И.Р. Гальперина, А.А. Леонтьева, К. Хаузенблаза и др.

Считается, что текст и речь не являются зеркальным отражением друг друга, ибо не всякая речь поддается текстовому перекодированию (Горелов, 1987, с. 225-227), а с другой стороны, не всякий текст имеет речевой коррелят, например, такие виды текста, как каталожные карточки с их индексацией, технические отчеты в таблицах, словари и т.п.

Другие ученые рассматривают текст как единицу языка – М.Я. Блох, Г.В. Колшанский, О.И. Москальская и др.

Во взаимодействии языка и текста можно выделить две ипостаси: 1) язык – некоторая первичная сущность, лишь реализованная в тексте и 2) текст – единственно данная лингвисту реальность, язык в действии. Мы считаем, что текст не является единицей языка, ибо, по А.И. Смирницкому, всякая такая единица должна обладать двумя важными чертами: а) сохранять общие существенные признаки языка, т.е. двусторонность – единство формы и содержания и б) единица языка должна воспроизводиться, а не создаваться, твориться. Текст же создается в каждом конкретном случае.

Третьи ученые, основываясь на диалектике взаимоотношения языка и речи, говорят о тексте и как о речевом, и как о языковом феномене (В.А. Бухбиндер, Ч. Петефи, Ч. Ризер, Р. Харвег и др.).

Наиболее близким к истине нам представляется именно данный подход: с одной стороны, текст обращен к системе языковых единиц, т.е. к языку, а с другой – к коммуникативному акту (общению).

Что же такое текст с позиций современной лингвистики?

Ю.М. Лотман считает термин «текст» одним из самых употребительных в науках всего гуманитарного цикла. В специальной литературе по лингвистике текста неоднократно указывалось, что здесь отсутствует единая, полноценная и непротиворечивая дефиниция текста, хотя определению текста и анализу его характеристик посвящено немало работ.

Определение текста зависит, во-первых, от теоретической позиции автора, от того направления современной лингвистики, в русле которого он работает, а во-вторых, от основных характеристик текста, которые положены в основу его понимания, т.е. от комплекса релевантных признаков текста. В качестве таких признаков выделяются следующие: коммуникативная направленность (С.И. Гиндин, А.А. Леонтьев, А.И. Новиков, Ю.А. Сорокин и др.), структурно-смысловое единство текста (Т.М. Николаева), цельность (А.А. Леонтьев), связность (И.Р. Гальперин), коммуникативная завершенность (Ю.М. Лотман, В. Красных), превращенный характер текста (Е.Ф. Тарасов), диалогичность (М.М. Бахтин), наличие в тексте смысловых скважин (Н.И. Жинкин), лакун (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина), многомерность текста (М.М. Бахтин, Г.В. Степанов), наличие подтекста (А.А. Брудный, К.А. Долинин), ориентированность текста на определенный тип читателя (Ю.М. Лотман, Ю.А. Сорокин, Г.В. Степанов), замысел автора (Н.И. Жинкин) и т.д.

Наиболее полное определение может быть составлено с учетом конститутивных (дифференциальных, различительных) признаков. Примем рабочее определение, которое будет основываться на том, что текст – *динамическое коммуникативное образование высшего порядка. Текст – это высшая форма системной организации, содержащая сообщение о фрагменте мира, созданная по замыслу автора, обладающая композиционным, семантическим, прагматическим единством, обработанная в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка.*

Если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка. На понимании этого и зародилась лингвистика текста.

С коммуникативной точки зрения сущность текста не может быть определена лишь одними языковыми признаками, ибо текст–продукт целенаправленной деятельности, «превращенная форма общения» (Сорокин, Шахнарович, Тарасов, 1979. С. 42).

Коммуникация–это особая форма человеческой деятельности, поэтому ключевым понятием коммуникативной лингвистики становится понятие деятельности. Именно в коммуникации с наибольшей полнотой и глубиной раскрываются онтологические свойства языка и текста.

Каково же соотношение деятельности и общения? Для отечественной психологии характерен взгляд на общение как на особую деятельность (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Т.М. Дридзе), как на взаимодействие общающихся в совместной деятельности. Вообще же характер связи общения и деятельности понимается по-разному: то как две стороны социального бытия человека, то как единство. Часто общение понимается как определенная сторона деятельности. Мы вслед за Е.Ф. Тарасовым считаем, что общение и деятельность – две взаимосвязанные, относительно самостоятельные, но не равноценные стороны

бытия человека. Общение генетически и функционально детерминировано деятельностью (Тарасов, 1987. С. 135).

Коммуникативно-деятельностный подход позволяет взглянуть на феномен текста комплексно, с учетом психолингвистических, социолингвистических и других данных экстралингвистического характера, ибо текст, функционируя, осложняется психическими, социальными, прагматическими и другими факторами языковой личности реципиента (воспринимающего, слушающего, читающего). Поэтому текст не просто лингвистическое, но и социально-психологическое явление.

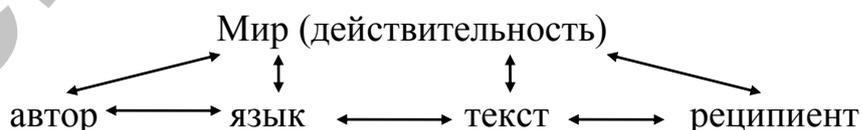
Говоря словами Г.П. Щедровицкого, «всякий текст вплетен во множество разных деятельностей и существует как текст лишь благодаря тому, что он имеет определенные функции в этих деятельностях» (Щедровицкий, 1974. С. 204).

Зачастую слово (текст) выступает как деятельность, причем настолько сливается с ней, что само становится действием (например, глаголы-перформативы типа *клянусь, обещаю, прошу, назначаю на должность, объявляю мужем и женой* и т.п.).

Именно деятельностно-коммуникативный подход к тексту позволяет перенести хорошо разработанную в отечественной психологии модель деятельности и применить ее основные положения к анализу текстов. Прежде всего – это понятия о коммуникативной задаче с такими ее субъективно-психологическими компонентами, как мотивы и цели речевого сообщения, представление об адресате. Психолингвистический анализ текста неизбежно включает в себя анализ механизмов создания и восприятия текстов. С психолингвистической точки зрения текст рассматривается как коммуникативное образование, как продукт речевой деятельности, детерминированной потребностями общения и личностью, т.е. это текст с позиций деятельностно-коммуникативного видения.

Всякий текст вписан в контекст коммуникации, ибо все носители языка говорят только текстами, а не словами и предложениями. Л. Ельмслев, например, утверждает, что исследователю языка в качестве исходного пункта дается именно текст в его абсолютной целостности.

Текст как бы объединяет в себе ряд факторов и компонентов процесса коммуникации:

Взаимонаправленные стрелки в схеме показывают, что влияние, например, автора на текст имеет место наряду с влиянием текста на автора и т.д. Широко известны факты такого необычного, на первый взгляд, влияния текста на автора: Татьяна Ларина по первоначальному замыслу поэта не должна была выйти замуж, Вронский у Толстого не должен был стреляться, но текст «потребовал» изменения плана. И здесь нет никакой мистики: все дело во внутренней логике развития событий в тексте.

В процессе коммуникации (в том числе и художественной коммуникации) **текст как бы раздваивается на текст автора и текст реципиента (воспринимающего), хотя материальная форма текста здесь едина.** Отсюда и возможность двоякого его изучения. М.М. Бахтин предлагал начинать изучение текста с авторского текста, и этот подход закрепился в современном литературоведении. Но есть и другой путь изучения – от читателя. Этот подход был разработан Н.А. Рубакиным, основоположником библиопсихологии; теперь он взят на вооружение психолингвистами.

В основе психолингвистического подхода лежит анализ текста сквозь призму коммуникативной задачи. Психологическую структуру коммуникативной задачи можно представить так: 1. Мотив, побуждающий автора приступить к созданию текста. 2. Цель – образ будущего результата речевых действий. 3. Представление об адресате с его личностными свойствами и отношение к нему. Так, Л. Толстой, В.Г. Короленко, В.В. Маяковский и другие подчеркивали, что писатель должен думать о том, как будет понят их текст. 4. Отбор и вербализация содержания и выбор языковых средств для этого, т.е. непосредственное создание текста.

Решение коммуникативной задачи ведет к созданию текста, в котором наиболее полно реализуются лингвистические и прагматические стратегии. Определяющим в организации текста является замысел автора (Н.И. Жинкин), который охватывает текст в целом, оказывает свое воздействие на структурные свойства текста. Особенно ярко проявляется замысел в художественных текстах, для создания которых автор выбирает из всего многообразия средств и приемов те, что наиболее полно отвечают его замыслу. Приспосабливаясь к потребностям коммуникации и в соответствии с замыслом автора, текст получает конкретную жанровую форму.

Решающую роль в формировании текста имеет коммуникативная стратегия, т.е. план речевых действий, с помощью которых автор пытается достигнуть некоторых глобальных целей. Для разных типов текста избираются различные стратегии: для научных, деловых – аргументирующие, рационалистические; для публицистических, художественных (особенно поэтических) текстов – стратегии, нацеленные на эмоциональное воздействие.

Следовательно, **текст – это как бы пучок мотивов, целей, задач, реализуемых с помощью языковых средств.**

Важнейшей для любого текста является **категория содержания**, которое подчиняет себе все элементы текста: риторическую организацию, композицию, стилистическое оформление и другие категории, входящие в коммуникативное содержание текста.

При исследовании художественных текстов с позиций коммуникативно-деятельностного подхода можно говорить об особом виде коммуникации – художественной, потому что всякий художественный текст есть одновременно и факт языка, и факт искусства. Он не представляет собой гомогенного образования и является полифонической структурой, включающей несколько «голосов» (М. Бахтин), «планов» (Л. Долежел), «пластов» (Р. Ингарден), «слоев» (Н. Гартман).

Трудность объективного анализа художественного текста объясняется как его многоуровневостью, многозначностью, так и большим влиянием при его восприятии личности читателя. «Всякое литературное произведение оказывает наиболее сильное действие на того читателя, психическая организация которого наиболее сходна с психической организацией автора этого произведения» (Рубакин, 1929). Гипотеза о психологическом сходстве читателя и писателя заимствована Н. Рубакиным у французского литературоведа Э. Геннекена (1858-1888).

Для каждой исторической эпохи, литературного направления характерны свои концепции адресата. Автор всегда помнит об адресате, с учетом которого создает текст, и это непреложный закон коммуникации, в результате которой содержание текста при восприятии обогащается за счет привносимых в него фоновых знаний, опыта читателя. Опыт читателя, специфика его личности как бы обрамляют текст, отсекая все лишнее для конкретного человека, заставляя его видеть в тексте лишь психогически близкие ему факты.

Отсюда следует, что изучать текст в самом себе, как это делается до сих пор на филологических факультетах, игнорируя его направленность на мир, на читателя, нельзя. А выйти за привычные рамки анализа можно лишь с помощью коммуникативно-деятельностного подхода.

Лингвистикой текста активно занимаются в странах Европы, особенно в немецкоязычных – Германии, Австрии, Чехии, России. В США быстро развиваются лишь исследования текста, связанные с прагмалингвистикой.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Для лингвистики второй половины XX века характерна переориентация научных интересов с изучения внутренних закономерностей языковой системы на рассмотрение функционирования языка как важнейшего средства человеческого общения.

В языке все направлено на осуществление коммуникации, под которой понимается одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности. Коммуникация имеет социальный характер и возможна только как совместная деятельность языковых личностей. Отсюда ясно, что именно социальная природа коммуникации определяет ее существенные черты, цели и задачи и позволяет говорить о разных типах коммуникации.

Выделяют следующие типы коммуникации: 1) аутокоммуникация – речь, адресатом и адресантом которой является один и тот же человек, т.е. человек говорит сам с собой на уровне внутренней речи; 2) межличностное общение – это общение личностей вне их принадлежности к тому или иному социуму; 3) монокультурная коммуникация – это общение представителей одного национально-лингвокультурного сообщества, все члены которого обладают единой когнитивной базой; 4) межкультурная коммуникация – общение представителей разных национально-лингвокультурных сообществ, обладающих разными национальными когнитивными базами.

Чтобы коммуникация была успешной, нужно наличие общего фонда знаний коммуникантов. Представители теории речевой коммуникации говорили об определенной общности социального опыта (Е.Ф. Тарасов). Следовательно, для общения необходима общность знаковых средств (язык как совокупность лексики и грамматических правил) и определенная общность социального опыта, именно эта общность никогда не бывает полной. К ней относится знание правил этикета, истории, культуры и литературы того народа, на языке которого говоришь.

Совокупность знаний и представлений, которой обладает человек как самостоятельная личность и член социума, называется **пресуппозицией**. Пресуппозиция в широком смысле слова – это тот фонд знаний, которым обладает любой говорящий на данном языке. Но термин пресуппозиция может употребляться и в более узком смысле слова: как общий фонд знаний коммуникантов, зона пересечения их индивидуальных когнитивных пространств.

Коммуникация есть процесс, разворачивающийся во времени и пространстве. Как и любой процесс, коммуникация поддается сегментации. Таким сегментом коммуникации, фрагментом общения может быть признан коммуникативный акт. По О.С. Ахмановой, коммуникативный акт – это «функционально цельный фрагмент коммуникации». Каждый коммуникативный акт включает в себя две составляющие – ситуацию и дискурс.

Ситуация – фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может стать вербальный акт. **Дискурс** – сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом и внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие.

Будучи одной из важнейших составляющих коммуникации, дискурс определяется в современной лингвистике по-разному: его понимание колеблется от вида речевой коммуникации, предполагающего рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни (по Хабермасу) до общения, характеризуемого как реализация определенных дискурсивных практик (по Фуко), от почти синонимичного терминам «речь», «поток речи», «сложное синтаксическое целое» «текст» до определенного типа ментальности (Н.Д. Арутюнова), от вербализованного работающего сознания (О.Г. Ревзина) до сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие (Ван Дейк). Именно последнее понимание наиболее близко нам.

Минимальной единицей коммуникации являются **речевые акты**, а более крупной – **текст**. Термин **речевой акт** употребляется, когда хотят подчеркнуть динамическую, процессуальную сторону явления. Если не имеется в виду процесс, чаще пользуются термином **высказывание**.

Речевой акт может рассматриваться как единство, с одной стороны, акта производства высказывания и его передачи в устной или письменной форме и, с другой стороны, акта восприятия и понимания этого высказывания.

В русской лингвистической традиции (Л.Р. Зиндер, Н.Д. Андреев, В.Б. Касевич) различается речь и речевая деятельность. Речь – это совокупность высказываний, текстов, а речевая деятельность – это обмен речевыми актами.

Речевые акты бывают информативные, которые передают информацию, и неинформативные, которые служат, например, для установления контакта – этикетные высказывания, вопросы о погоде, о здоровье и под. Они могут быть прямыми и косвенными (*Вы не дадите мне эту книгу до завтра?* – косвенным способом выражается просьба).

Классификация речевых актов опирается на заложенные в них коммуникативные намерения (интенции) говорящего. Наиболее известная классификация речевых актов принадлежит Джону Серлу, она опирается на так называемые иллокутивнoе функции и силы. Он различает:

1) **констативы (репрезентативы** – в другой терминологии) – это речевые акты, в которых сообщается о положении дел: *Университет закрывается;*

2) **комиссивы**, в которых говорящий берет на себя обещание: *Я подарю вам счастье;*

3) **директивы** – речевые акты, побуждающие к действию: *Закройте дверь!*

4) **экспрессивы** – речевые акты, с помощью которых говорящий выражает благодарность, извинение, соболезнование, поздравление и т.д.: *Извините за причиненное беспокойство;*

5) **декларативы** – когда говорящий обладает определенным социальным статусом и поэтому способен изменить статус какого-либо лица (объявления о назначении на должность, начале или окончании какого-либо мероприятия и т.д.): *Я объявляю вас мужем и женой;*

6) **интеррогативы** – акты-запросы информации: *К какой семье принадлежит кыргызский язык?*

Итак, речевой акт включает в себя иллокутивную (неречевую, т.е. то, что кроется в речи, за речью) функцию, мотив, цель, тактику воздействия на адресата, перлокутивный эффект, пропозицию, манеру речи и поведения, способ сообщения, эмоциональное состояние участников и т.д.

Известно, что все языковые реалии обретают свой подлинный смысл только в тексте. Без указания на то, как та или иная языковая единица или категория участвуют в создании текста, представление о языке будет неполным.

В центре внимания современной лингвистики стоит языковая личность во всем ее многообразии: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное. Эти ипостаси Я имеют различные формы манифестации, например, Я-эмоциональное может проявляться в разных социально-психологических ролях. Например, фраза *Сегодня светит яркое солнце* содержит следующие мысли: Я-физическое будет испытывать благоприятное воздействие солнечных лучей; это знает мое Я-интеллектуальное, и посылает эту информацию собеседнику (Я-социальное), проявляя о нем заботу (Я-эмоциональное); сообщая ему об этом, действует мое Я-речемыслительное.

Воздействуя на любую ипостась личности, можно воздействовать на все остальные стороны личности адресата. Таким образом, языковая личность вступает в коммуникацию как многоаспектная, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого общения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, культурным смыслом информации, включенной в коммуникацию. Человек познает окружающий мир, лишь предварительно

выделив себя из этого мира, он как бы противопоставляет «Я» всему, что есть «не-Я». Таково, видимо, само устройство нашего мышления и языка: любой речемыслительный акт всегда априорно предполагает признание существования мира и при этом сообщает о наличии акта отражения мира субъектом.

В рамках коммуникативной грамматики (школа Г.А. Золотовой) ведется поиск взаимообусловленного единства совокупности трех характеристик языковых явлений: значения, формы и функции. Под функцией понимается «предназначенность языкового элемента как части коммуникативного целого служению в предложении или в тексте, предназначенность потенциальную в системе языка и реализующуюся в речевом процессе. Функция – это способ участия любого элемента, предопределенный его категориально-семантическим значением и формой, в построении коммуниката» (Золотова Г.А. Новая русская грамматика: идеи и результаты // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998). М., 1998, с. 313).

Таким образом, язык не просто замкнутая в себе система, а **система правил коммуникативного поведения человека в условиях определенной культуры и социума**. При таком понимании языка можно говорить об исключительной способности каждого конкретного языка приспособляться к бесконечному разнообразию жизненных ситуаций, отсюда сложность в изучении языка, особенно неродного.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Язык многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д. Характеризуя язык во всей его сложности с противоположных сторон, мы раскрываем самую его сущность.

Чтобы точнее отразить сущность языка, Ю.С. Степанов представил его в виде нескольких образов: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) компьютерный подход к языку; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (М.Хайдеггер), т.е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека. Соответственно, с позиций седьмого его образа, язык, во-первых, – результат деятельности народа; во-вторых, результат деятельности творческой личности и, в-третьих, – результат деятельности нормализаторов языка (государства, институтов, вырабатывающих нормы и правила).

К этим образам в самом конце XX века прибавился еще один: **язык как продукт культуры, как ее важная составная часть, и условие существования культуры, как фактор формирования культурных кодов**.

Лингвокультурология должна быть «ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» (Телия, 1966, с. 222). Следовательно,

лингвокультурология – продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая развивается в последние десятилетия.

Проблема взаимоотношения языка, культуры, этноса не нова. Еще в начале XIX века ее пытались решить немецкие ученые – братья Гримм, идеи которых нашли свое продолжение в России в 60-70-х годах XIX века – в трудах Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни.

Наиболее широкое распространение в мире получили идеи В. Гумбольдта. По В. Гумбольдту, язык есть «народный дух», он есть «само бытие» народа. Культура являет себя прежде всего в языке. Он есть истинная реальность культуры, он способен ввести человека в культуру. Язык есть фиксированный взгляд культуры на мироздание и себя самое.

В начале нашего века возникла австрийская школа «WORTER UND SACHEN», которая направила проблему «Язык и культура» по пути конкретного изучения составных элементов – «кирпичей» языка и культуры, продемонстрировав важность культурологического подхода во многих областях языкознания, и прежде всего – в лексике и этимологии.

На понимании неразрывности и единства языка и культуры в широком смысле этого слова основывалось неогумбольдтианство и как ее ответвление – известная школа Сепира-Уорфа, которые постулировали значительную зависимость мышления от языка. Поздний неогумбольдтианец Л. Вейсгербер утверждал, что язык – это «промежуточный мир» между мышлением и действительностью.

Как заметил К. Леви-Стросс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов.

Во второй половине XX века в СССР возникло несколько научных центров под руководством крупных ученых – В.Н. Топорова, Вяч.Вс. Иванова, школа этнолингвистики Н.И. Толстого. Язык в их исследованиях трактуется как «естественный» субстрат культуры, пронизывающий все его стороны, служащий инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировидения.

Таким образом, в лингвистике конца XX века стало возможным принять следующий постулат, который вытекает из достижений названных ученых – как русских, так и зарубежных: **язык тесным образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.** На основе этой идеи на рубеже тысячелетий возникает новая наука – лингвокультурология.

Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Вместе с тем не следует акцентировать внимание на «стыковом» характере новой науки, ибо это не простое «сложение» возможностей двух контактирующих наук, а именно разработка **нового научного направления**, способного преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить новое их видение и объяснение.

Поэтому это не временный союз лингвистики и культурологии, а междисциплинарная отрасль науки, самостоятельная по своим целям, задачам, методам и объекту исследования. Лингвокультурологии еще предстоит доказать статус самостоятельной науки, но это потребует разработки фундаментальной теории высокой объяснительной силы. Лингвокультурология позволит установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры.

Основной постулат лингвокультурологической школы В.Н. Телия, к которой себя относит автор данной работы, это изоморфизм культуры и языка. Будучи методологической основой научных исследований, изоморфизм языка и культуры позволяет анализировать язык через культуру и культуру через язык, а также видеть в совокупности фактов, принадлежащих одновременно культуре и языку, предмет нашего интереса и анализа.

Язык – факт культуры, потому что 1) он составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка.

Итак, язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. Не случайно Н.И. Жинкин писал: «Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания» (Жинкин, 1982, с. 142). Язык и культура связаны на основе их онтологической общности, объективной формой существования которой является идеальное (Тарасов, 1994).

Если традиционный способ осмысления проблемы взаимодействия языка и культуры заключается в попытке решить лингвистические задачи, используя некоторые представления о культуре, то в нашей работе изучаются способы, с помощью которых язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Язык и культура взаимосвязаны 1) в коммуникативных процессах; 2) в онтогенезе (формирование языковых способностей человека); 3) в филогенезе (формирование родового, общественного человека).

Взаимодействие языка и культуры нужно исследовать крайне осторожно, помня, что это разные семиотические системы. Справедливости ради нужно сказать, что, будучи семиотическими системами, они имеют много общего. Как считает В.Н.Телия, 1) культура, равно как и язык, – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; 4) нормативность – общая для языка и культуры черта; 5) историзм – одно из сущностных свойств культуры и языка; 6) языку и культуре присуща антиномия «динамика – статика» (Телия, 1996, с. 225-226).

Различаются эти две сущности следующим. 1) В языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность. 2) Хотя культура – знаковая система (подобно языку), но она не способна самоорганизовываться. 3) Как уже отмечалось нами, язык и культура – это разные семиотические системы.

Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры (что не одно и то же). Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, т.е. отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике.

Согласно нашей концепции, поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством презентации основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей.

Языковые нормы соотносимы с установками культуры, которые есть своего рода каноны-идеалы, в соответствии с которыми языковая личность квалифицируется как «достойная»/«недостойная». Установки культуры, правда, не столь же облигаторны, как нормы языка: за носителем культуры, распределенным по разным социумам, остается право на более широкий выбор.

При современном состоянии данной науки взаимодействие языка и культуры рассматривается, по справедливому замечанию Е.Ф. Тарасова, с точки зрения «частнонаучных методологических представлений и частнонаучных представлений культурологов» (Тарасов, 1994, с. 27). Нужно же объединить искусственно разведенные филологию, историю культуры и культурологию в отдельную науку – **лингвокультурологию** – со своим объектом и предметом исследования, со своим понятийным аппаратом, со своими целями и задачами, со своими методами и приемами исследования. Лингвокультурология рассматривает язык как знаковую систему, в которую воплощены культурные ценности.

Существует ряд понятий, которые являются общими для языка и культуры: **языковая семья и культурная группа (семья), праязык и пракультура, языковой союз и культурный союз, языковой и культурный субстрат, адстрат, суперстрат** и т.д. В большей степени нас интересует конструктивная роль языка в этих взаимоотношениях, его воздействие на формирование духовной культуры жителей Белорусского Поозерья, на формирование их сознания.

Мы рассмотрим далее проблему взаимодействия языка и культуры на примере Витебского Поозерья. По данным переписи населения 1999 г. на территории области проживают более 130 национальностей и народностей. Большинство жителей – 82 процента – считают себя белорусами, 14 процентов – русскими, около 2 процентов – украинцами, 1,5 процента – поляками, 0,3 евреев, представителей других национальностей в нашей области – 0,9 процента.

При переписи вопрос о распространенности языков среди населения изучался в трех аспектах: учитывался родной язык; язык, на котором говорят в семье; другой язык, которым свободно владеет данный человек. Назвали родным

языком язык своей национальности 82 процента жителей области, 18 процентов указали язык других национальностей. По переписи 1989 г. этот показатель составлял 77 и 23 процента. Эти данные свидетельствуют о росте национального самосознания жителей Витебщины.

Что же представляет собой лингвокультурологическое описание языка? Попытаемся это представить наглядно.

Предметом исследования в лингвокультурологии служит также **стилистический уклад разных языков**, внимание к тому, **в каких формах существования представлен тот или иной язык**. Так, есть языки, где существует сильное диалектное расслоение, и языки, где различий между диалектами почти нет; есть языки, стилистическая дифференциация в которых только начинается, и, напротив, языки, где эта дифференциация глубока и многоаспектна. И если по первому параметру русский и белорусский языки почти не отличаются, то стилистическое расслоение в русском значительно сильнее, что должно учитываться при описании лингвокультурной ситуации.

Известно, что наш язык неоднороден: в нем различаются литературный язык и диалекты, просторечие и арго (неполная, редуцированная до словарного состава языковая подсистема). Н.И. Толстой рассматривал культуру также в 4-х срезах – элитарном, деревенском, городском, профессиональном. Соответственно, в каждой славянской культуре можно выявить четыре сходных элемента, хорошо коррелирующих с языковыми: «культуру образованного слоя, «книжную», или элитарную культуру; культуру народную, крестьянскую; культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют «культурой для народа» или «третьей культурой», и ... традиционно-профессиональную субкультуру» (Толстой, 1995, с. 16). К последней относится пчеловодческая, культура «челноков», инженерная и т.д.). Это несамостоятельная, фрагментарная культура, что роднит ее с арго.

Таким образом, мы получили следующее соответствие:

литературный язык — элитарная культура;

диалекты и говоры — народная культура;

просторечие — «третья культура», т.е. культура для народа;

арго — профессиональная субкультура.

Мы видим здесь, что структура культуры обнаруживает определенное сходство со структурой языка. А видение мира определенной социальной группой обусловлено ее культурой: одни и те же явления реальности по-разному воспринимаются и интерпретируются различными группами. Проблема, которая стоит перед нами, заключается в том, чтобы определить, как язык, используемый данной социальной группой, отражает ее представление о мире.

Так, на сегодня неплохо описана духовная жизнь молодежи нашего региона, которая определяется рядом негативных факторов:

– молодой представитель нации подвергается массивной обработке со стороны «массовой культуры» и других антигуманных явлений, например, сатанизма и других сект, фашизма;

– пропаганда традиционной белорусской культуры (не только в народной, но и классической форме существования) ведется недостаточно;

- наличие инфантильности, выражающейся в потребительской идеологии и морали (государство должно не только кормить, но и развлекать... и т.д.);
- социальная неориентированность, выражающаяся в эклектичности взглядов, размытости критериев, романтизации криминального мира и т.д.

Эти негативные факторы отразились в языке молодежи, основными тенденциями здесь можно назвать следующие:

- 1) естественное становление нового студенческого социолекта из «сплава» традиционных и профессиональных социолектов (*намылиться на булкотряс* – «сходить на дискотеку», *потусоваться в тамбуре* – «постоять на лестничной клетке», *табло начистить* – «надавать по лицу»);
- 2) осязаемое влияние криминальных социолектов (например, *капуста* «деньги», *гуманизатор*, *демократизатор* – «милиейская дубинка»);
- 3) некоторое возрождение белорусского этнолекта в смеси с профессиональными и диалектными словами (*заскочыць* – «попасть в милицию», *в бутэльбол пагуляць* – «устроить пьянку»).

Произошли изменения не только в языке молодежи, в литературный язык вошло много слов из лагерного жаргона, например, *тусовка*, *тусоваться*, *прикалываться*, *бомж* и под. В конце XX века не только о войне (*операция в Чечне*, *хирургическое уничтожение террористов*), но и о жизни вообще заговорили медицинскими терминами (*шоковая терапия для народа*, *реанимация национальной валюты*, *иммунитет депутатской неприкосновенности*), в то время как о медицине – языком военных (*Грипп пошел в атаку*). Это своего рода образ «Палаты № 6». Вероятно, он насаждается СМИ, чтобы убедить народ, что в современной обстановке отношения «врач-пациент» – универсальная основа социального дискурса.

Далее опишем лингвокультурную ситуацию Белорусского Поозерья по данной структурной схеме.

Литературный язык — элитарная культура.

Во-первых, это элита общества – творческая и научно-техническая интеллигенция, язык которой соответствует литературному. Это богатая лексика, логически увязанные синтаксические конструкции, безукоризненное произношение и т.д. Причем, это не просто свободное владение всеми возможностями языка, но и его творческое, креативное использование. Это **искусство** речи (устной и письменной), которым не владеет все образованное население, а только элитарные носители языка, коих немного.

Отсюда следует, что далеко не все владеющие литературным языком являются носителями элитарной культуры. В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротина разработали понятие **среднелитературной культуры** (Гольдин, Сиротина, 1997), т.е. как бы несостоявшейся элитарной культуры. Ее носителям, образованным горожанам, присуще более свободное обращение с литературной нормой произношения, некоторая стилистическая неряшливость, злоупотребление иностранными словами, частичное нарушение норм. Наблюдения над речью витебской интеллигенции показывают, что можно говорить о заметном падении речевой культуры: даже в речи ученых-экономистов

(не говоря уже о речи ведущих местного телевидения) появляется довольно много тавтологий, которые являются речевыми ошибками, типа *сервисное обслуживание, рыночный маркетинг* и под. Витебские журналисты через СМИ распространяют и внедряют в народные массы среднелитературную норму. Например, на 1-ой стр. газеты «Витьбичи» (№ 21) заметка о приглашении на математический турнир кончается неожиданно: «*Се ля ви*», статья в этом же номере газеты содержит нонсенс в названии: «*В каждой женщине должна быть интрижка*».

До сих пор наблюдается довольно широкое употребление совдеповского языка: *уклонисты, невозвращенцы, лишенцы, космополиты, выдвигенцы, отщепенцы, подписанты, тамиздатовцы* и под.

На литературный язык лавиной обрушивается разговорная речь, которая оказывает активное воздействие не только на публицистическую речь, но и на художественную и даже научную речь (например, следующую фразу нельзя признать грамотной ни в синтаксическом, ни в стилистическом отношении: *Литературные данные свидетельствуют об улучшении физиологического состояния насекомых при ослаблении их кормовых растений*. «Вестник ВГУ», 1999, №1, с. 96).

Чрезвычайно продуктивным, как нам кажется, для лингвокультурологии является понятие идиолекта, разработанное академиком А.А. Шахматовым, во второй половине XX века оно было вытеснено понятием «индивидуальный стиль», но в конце века снова зазвучало; примером могут служить в работы Н.Д. Арутюновой по идиостилю Ф.И. Достоевского.

В элитарной культуре носителями идиолекта можно считать известных писателей и поэтов, деятелей науки и культуры Витебщины. В народной культуре – это сказители, частушечники, ворожеи, экстрасенсы.

Понятие идиолекта важно для установления места носителя идиолекта в той или иной культуре, ибо, как сказал Э. Сепир, «существует столько же культур, сколько индивидуумов в населении» (Цит. по: Топоров, 1995, с. 19).

Диалекты и говоры — народная культура. Пользование языком у носителя литературного языка и у носителя диалекта различается. А.М. Пешковский утверждал, что если сравнивать речь с другими привычными процессами нашего организма, например, с ходьбой или дыханием, то «говорение» интеллигента будет так же отличаться от говорения крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или как дыхание факира от обычного дыхания. Но эта-то неестественность и оказывается как раз условием существования литературного наречия. «Понятно, что народные наречия и говоры не только не могут игнорироваться при таких условиях лингвистом, а, напротив, они для него и составляют главный и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект исследования, подобно тому как ботаник всегда предпочтет изучение луга изучению оранжереи» (Пешковский, 1960, с. 233).

Однако с 30-х годов распространился взгляд на территориальные диалекты как на порчу языка. Этот взгляд активно пропагандируется до сих пор и ведет к борьбе с диалектами. Хотя как раз изучение диалектов дает бесценный и

неисчерпаемый материал для того, чтобы понять законы развития языка, ибо языковые особенности любого местного диалекта обусловлены не небрежностью речи его носителей, а строгими историческими закономерностями.

Диалект (греч. – *dialektos* – разговор, говор) – разновидность языка, который является средством общения в коллективе, объединенном на территориальной или социальной основе. Диалект – исходная и важнейшая форма существования языка, средство обиходно-бытового и производственного общения выходцев из крестьян.

Человек – субъект социокультурной жизни, языковая же личность фиксирует репрезентативный для данной культуры тип личности, т.е. комплекс черт и языково-речевых навыков, проявляющихся у индивида чаще всего. Изучение языковой личности носителя диалекта важно для сохранения прошлого, которое предстает как опора для настоящего и будущего языка: «В языковом материале, унаследованном от старших поколений, заложены в виде возможностей и линии речевого поведения будущих поколений, наследников этого сокровища» (Щерба, 1974, с. 136). Именно в этом плане представляет интерес изучение языковой личности носителя диалекта.

«Вся народная культура диалектна» (Толстой, 1995, с. 9). Народная культура и соответствующие ей говоры и диалекты на территории нашего региона представлены довольно пестро: это белорусские говоры, говоры смешанные – витебско-смоленского и витебско-псковского пограничья, чисто русские говоры, например, старообрядческие. В Витебской области на сегодняшний день около 100 деревень старообрядцев, носителей русских говоров, неплохо сохранившихся до нашего времени. Старообрядцы нашего региона образуют 14 общин, которые не замкнуты, продолжают в Латвии, на Псковщине и в других областях Белоруссии, например, Могилевской.

Пограничные говоры пока в достаточной мере не описаны, хотя в ВГУ существует диалектологическая лаборатория, конечной целью работы которой будет создание словарей витебско-смоленского и витебско-псковского пограничья.

Народная культура – народный язык и литературный язык – элитарная культура – это две мирно сосуществующие лингвокультуры, влияющие друг на друга и подпитывающие друг друга.

Витебщина – край богатой устно-поэтической традиции, которая устойчива и в наши дни, о чем можно судить по записям фольклорных экспедиций, проводимых в ВГУ. По результатам этих экспедиций изданы: 1. Витебская частушка. Витебск, 1994. 2. Заговоры и заклинания. Витебск, 1996.

Фольклор является источником образности в диалектной речи, он объединяет различные элементы народной духовной культуры: отголоски мифов, верований, морали, народную философию, народную педагогику, эстетические взгляды и представления, художественные вкусы и идеалы.

Вопрос о соотношении языка устной поэзии и диалекта в науке решается по-разному: 1) Диалект не имеет стилевой дифференциации, следовательно, язык

фольклора – это наддиалектный язык. 2) Язык фольклора – это «литературная» форма диалекта. Мы склонны придерживаться второй точки зрения.

Полное лингвокультурологическое исследование Витебского Поозерья должно включить в себя также составление ряда словарей: 1. Словарь обрядов Витебщины; 2. Легенды и предания Белорусского Поозерья; 3. Областной диалектологический словарь; 4. Словари, пограничных России, диалектных зон. Материалы для этих словарей частично собраны в ВГУ.

Просторечие — «третья культура», т.е. культура для народа. Здесь стоит вопрос прежде всего о городской речи простого народа и его культуре. В последнее время в городской речи выделяют следующие пласты: 1) литературное и нелитературное просторечие, 2) жаргонная лексика, 3) просторечно-жаргонные профессионализмы, 4) нецензурная лексика.

Выделяют литературное и нелитературное просторечие. Литературное просторечие – термин, предложенный Ю.С. Сорокиным; это нижний пласт языка, частично состоящий из нелитературного просторечия, частично из диалектов и жаргонов – *братан, болезный, пузо, хахаль, отчебучить* и т.д.: *Мне Никита изменил. / Я не ахнула, / А «Смирновскую» купила – / С Ваней трахнула* (Витебские частушки, с. 62).

Литературное просторечие – это слова типа *шибко, намедни, мурыжить, приспичить, обалдеть* и т.д. Чаще всего этот пласт лексики базируется на диалектной основе, но может использовать и «трасянку».

Думается, что именно влиянием третьей культуры и разговорной речи можно объяснить а) широкое употребление бессубъектных оборотов и пассивных образований – *Ваши замечания и предложения будут проанализированы, при необходимости по ним будут приняты соответствующие меры* («Витьбичи», № 21); аналогичных фраз только в одной небольшой заметке из 100 слов – 8; б) увеличение употреблений во множественном числе слов *singularia tantum*: *Стало жить невмоготу / Даже Водолеям...;* в) увеличение числа несклоняемых существительных: *Я одела бело платье, / Замараю – вымою./ Отдаю подругу замуж, Самую любимую!* (Витебская частушка, с.82); г) употребление несклоняемых существительных как склоняемых: *Я отправился в «турну» / И прошу каюту./ Чтоб в «турне» пожить спокойно / не одну минуту* (Витебская частушка с.94); д) более частое обращение к малопродуктивным словообразовательным моделям: *наркота, чернуха, порнуха, групповуха;* е) обилие усеченных звательных форм в морфологии – *Вань! Петь!;* ж) фонетические особенности: хотя набор фонем тот же, что и в литературном языке, однако реализация их иная: возникает стяжение *ванце* (вообще), выпадение согласных – *када* (когда), *тады* (тогда) и т.д.

Для третьей культуры характерна особая массовость: массовые праздники, фестивали, зрелищные мероприятия. Примером здесь может служить «Славянский базар», из песенного фестиваля превратившийся в народные гуляния. Анализ феномена советских массовых гуляний показывает, что они связаны с традициями европейского карнавала.

Приметой третьей культуры является обилие кличек, которые даются не только друг другу, но и крупным политическим деятелям: *Цыган* (А.Г.

Лукашенко), *Элькин, Елкин, Гарант, БЭН* (Б.Н. Ельцин), *Ржавый Толик, или Рыжий, или Ваучер, или Железный Дровосек* (А. Чубайс), *Стаканыч, или ЧВС* (В.С. Черномырдин), *Примус* (Е. Примаков), *Береза, или БАБ* (Б. Березовский), *Кепка, или Колобок* (Ю. Лужков) и т.д. («АиФ в Беларуси», 1999, № 52). Впрочем, именование – это деятельность, с которой начинается создание языка вообще, в том числе и политизированного языка эпохи, примером чему могут служить имена собственные в советскую эпоху, которых довольно много и на Витебщине – *Вилен, Виль, Владлен, Вилор, Ким, Кэм, Милена, Октябрина, Ревмира, Сталина*. В конце XX в. возникли новые тенденции: искусственные имена почти исчезают из обихода, зато появляется много сокращенных имен (*Яна* от *Янина*), много народно-разговорных вариантов (*Арина* от *Ирина, Настасья* от *Анастасия*), появились английские имена – *Артур, Майкл, Эрнест* и др. (Мезенко, 1999, с. 222).

Следовательно, социальные катаклизмы в обществе задели и сферу духовной культуры, они «расшатали» ментальность нашего народа, и вот уже модным стало употребление «полуязыка». Часто мы слышим из уст сорокалетнего коллеги: *Мне так обломно; фиолетово* (безразлично) В одном студенческом театре Минска поставили даже пьесу «*Ботанику – атак!*» («Горе от ума»).

Уже не граница, а пропасть пролегает между литературным языком и языком, на котором говорят отдельные социальные группы. Не за горами ситуация, подобная той, которую столь талантливо изобразил В. Пелевин в своем романе «*Чапаев и Пустота*»: (о Ницше) «*Там, сука, витиевато написано, чтоб нормальный человек не понял, но все по уму. Вовчик специально одного профессора голодного нанял, посадил с ним пацана, который по-свойски кумекает, и они вдвоем за месяц ее до ума довели, так, чтоб вся братва прочесть могла. Перевели на нормальный язык*».

Огромное количество иностранных слов влилось в разговорный язык жителей Витебщины, т.е. произошла его американизация: и вот уже наша молодежь (и не только) говорит: *дикий трабл* (= неприятности), *голда* (= золотая цепь), *олдовый* = старый и т.д.; *кайфов и приколен стал русский язык*.

Речевая ситуация в нашем регионе осложнилась тем, что начался процесс широкого внедрения белорусского языка в те сферы, которые ранее обслуживались только русским языком, – это политика, делопроизводство, частично образование. Такое распространение привело к сильным колебаниям нормы, фактически к тому, что недостаточно образованный слой населения давно перестал понимать, как нужно говорить правильно: *доллар* или *доляр, компьютер* или *кампутар, гарком* или *гаркам*. Этот факт и дал право ученым назвать сложившуюся ситуацию «полуязычием», или «трасянкой», которая стала модной среди чиновников, она проникла даже на FM-радиостанцию, где полуязычием ведут целые программы.

Наиболее частой ошибкой говорящих является смешение круга тождественных или частично совпадающих в формальном плане, но обладающих различной семантикой слов: межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы, русско-белорусские паралексы: *сварка* (русс.) и *сварка* (белор.), *соучастник*

(рус.) и *сучаснік* (бел.), *беспечность* (рус.) и *бяспека* (бел.), *речь* (рус.) и *рэч* (бел.) и т.д.

Арго — профессиональная субкультура.

Даже носители элитарной культуры долго связывали светлые надежды с технизацией жизни, считая, что техника избавит нас от физического труда и тем самым раскрепостит духовно. А оказалось, что путь этот в дегуманизацию жизни. Спасти нас может как раз противоположный ход – в прекрасные образцы языка народного фольклора.

Компьютер широко распространился во многих сферах нашей жизни, а его пользователи создали особый язык, выходящий за рамки профессионального. Для компьютерных пользователей существуют *мэны* (все, кто обходится без компьютера), *чайники* (те, кто только начинает им пользоваться), *хакеры* (взломщики компьютерных программ), *программеры* (кто только кнопки «топчет») и *программисты* (составители программ, создатели оригинальной продукции). Возник весьма разветвленный язык, на котором обсуждают возможности *писюков*, *пентюхов*, *зухелей* и т.д. (компьютеров РС, «Пентиумов» и т.д.). А фраза *Мать грохнулась, мозги еле продал* означает, что сломалась материнская плата, а операционную память едва удалось продать. Из профессиональной речи пришло выражение *до упора* («до конца»), *мочить* (в значении «убивать») и др.

Конфликт между «землей» и «железом», природой и техническим прогрессом ведет к разрушению связей между человеком и природой.

Русский язык наполнялся сначала «индустриальной» лексикой, а затем (уже в конце тысячелетия) – англицизмами, профессионализмами, упрощался синтаксис, уходила глубина фразы и мысли, т.е. можно констатировать упрощение языка в целом.

Таким образом, язык Витебщины, как и ее культура, гетерогенен, он существует в виде четырех взаимодействующих лингвокультурных моделей. Каждый язык отражает культурные реалии того социума, где язык функционирует, и при этом адекватно обслуживает его культуру.

Как отмечают социолингвисты, «для большинства современных индустриальных обществ не характерна «жесткая дифференциация языка на более или менее замкнутые, самодостаточные подсистемы» (Крысин, 1991, с. 45.) Это положение нашло подтверждение и при анализе лингвосоциокультурной ситуации Витебской области, где социально и культурно обусловленные разновидности единого языка «уживаются» друг с другом, обслуживая потребности общения в разных сферах.

Взаимоотношение между литературным языком и нелитературными формами его существования определяется всем ходом развития культурной истории общества: **историей его письменности, школы, литературы, мировоззрения, его культурно-идеологическими симпатиями и т.д.**

Влияние культуры народа на характер нормативно-стилистического уклада носит достаточно опосредованный, хотя и глубокий характер, в сравнении с влиянием культуры на словарь, который есть ее зеркало.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

В рамках современной антропоцентрической парадигмы назрела необходимость посмотреть на язык под несколько иным углом зрения: с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека.

Язык – это средство передачи мысли, которую он «упаковывает» в некую языковую структуру. Знания, используемые при этом, не являются лишь знаниями о языке. Это также знания о мире, о социальном контексте, знания о принципах речевого общения, об адресате, фоновые знания и т.д. Ни один из названных типов знания нельзя считать приоритетным, только изучение их всех в совокупности и взаимодействии приблизит нас к пониманию сути языковой коммуникации.

Вышедшие в последние годы монографии, коллективные труды и отдельные статьи А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Г.А. Волохина, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телия и других исследователей содержат важные теоретические положения по вопросам о том, как хранятся наши знания о мире, как они структурированы в языке в процессе коммуникации. Исследованием этого занимается **когнитивная лингвистика**, лингвистика XXI века. Она пытается дать ответы на многие вопросы, в числе которых следующие: каким видит человек мир, какова роль метафоры и символа в культуре; фразеологизмы удерживаются в языке веками, какова их роль в репрезентации культуры, почему они так нужны человеку?

Итак, ключевое понятие когнитивной лингвистики – это понятие информации и ее обработки человеческим разумом, понятие структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах.

Когнитивная лингвистика возникла в результате взаимодействия нескольких **источников:**

1) когнитивной науки (англ. cognitive science), называемой также **когнитологией** или **когитологией**. Предметом ее изучения является устройство и функционирование человеческих знаний, а сформировалась она в результате развития инженерной дисциплины, известной как *искусственный интеллект*.

Когнитивная наука заимствует из теории информации понятия информации и структур знания, обработки информации и ее сохранения в памяти, извлечения из нее нужных данных, репрезентации информации в сознании человека и языковых формах. Она пытается ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства.

С точки зрения когнитивной психологии важнейшей способностью человеческого мозга является умение классификации и категоризации предметов и явлений жизни. Продукты категоризации – категории – составляют часть нашего когнитивного аппарата и могут пониматься как ментальные концепты, хранящиеся в долговременной памяти.

В 70-х годах возникло понимание того, что интеллектуальные процессы человека, моделированием которого занимается искусственный интеллект, не

могут быть сведены к «универсальным законам человеческого мышления»: большинство интеллектуальных задач решаются человеком не в вакууме и не с чистого листа, а с опорой на имеющиеся *знания*. Некоторые же интеллектуальные задачи, в частности распознавание образов и понимание текста, без опоры на уже имеющиеся знания вообще не решаются. Например, чтобы понять фразу М. Цветаевой *Всяк храм мне пуст* нужно знать, что храм в русской культуре – место пребывания Бога, и потому он не может быть пустым.

На повестке дня встала задача оперирования знаниями – их представление, хранение, поиск, переработка, использование в компьютерных программах. Таким образом, когнитология является не просто междисциплинарной, а синтетической наукой, объединяющей при изучении когнитивных процессов человека математику, философию, лингвистику, психологию, теорию информации и др.

2) Источником когнитивной лингвистики стала также **когнитивная психология** (о «психологизме в языкознании» писали еще в XIX в. – младограмматики, А.А. Потебня, Г. Штейнталь, В. Вундт), которая имела за собой опыт психолингвистики, хотя и была значительно шире последней по своим целям, а также по интеграции с другими науками.

Когнитивная лингвистика заимствует из когнитивной психологии понятие концептуальных и когнитивных моделей.

Известно, что лингвистика на протяжении своего развития трижды, сталкиваясь с психологией, обогащалась ею: в 80-е годы XIX века (младограмматизм), в середине XX века (возникновение психолингвистики) и, наконец, в 80-е годы XX века (появление когнитивной лингвистики). До сих пор эти гуманитарные науки сильно различаются по своей методологии: лингвистика входит в «семиотический цикл» гуманитарных дисциплин, а психология тяготеет к «физическому» циклу наук.

Дополнительной сложностью во взаимодействии лингвистики и психологии явилась распространенная точка зрения, согласно которой любое исследование, обращающееся к ментальным категориям, относится к сфере психологии, а взаимодействие с другими науками здесь не требуется.

3) Еще одним источником когнитивной лингвистики является **лингвистическая семантика**. Когнитивную лингвистику некоторые исследователи определяют как «сверхглубинную семантику» и рассматривают ее как естественное развитие семантических идей. Они видят за категориями языковой семантики более общие понятийные категории, которые можно представить как результат освоения мира человеческим познанием.

Однако ограничиться такой констатацией было бы недостаточно, прежде всего потому, что некоторые результаты, полученные в когнитивной лингвистике, применимы не только к семантике языка. Так, разработанное в когнитивной лингвистике понятие прототипа применимо также в фонологии, морфологии, диалектологии и т.д.

Естественная сосредоточенность когнитивной лингвистики на семантической проблематике и методологическая близость ее к лингвистической семантике объясняет стремление ряда авторов, особенно в России, говорить именно о

когнитивной семантике, а не о когнитивной лингвистике или грамматике. Именно из семантики пришли в когнитивную лингвистику наиболее яркие ее представители – Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия и др.

Кроме трех названных источников, в формировании когнитивной лингвистики свою роль сыграли также:

- данные *лингвистической типологии* и *этнолингвистики*, позволяющие лучше понимать, что в структуре языка универсально;
- *нейролингвистика*, изучающая язык как основу познания ментальной деятельности человеческого мозга в целом;
- *психоллингвистика*, которую объединяют с когнитивной лингвистикой общие проблемы, связанные с общечеловеческими механизмами овладения и пользования языком, с используемыми при этом универсальными стратегиями и опорными элементами. Та и другая область знаний подразумевает рассмотрение проблем языкового сознания и языковой личности, картины мира, взаимодействия процессов на разных уровнях осознаваемости;
- *культурология*, позволившая установить роль культуры в возникновении и функционировании концептов;
- сыграли свою роль накопленные в *сравнительно-историческом языкознании* сведения о развитии значения слов (показательно, что такие специалисты по когнитивной лингвистике, как Е. Свитцер и Б. Хайне, активно занимались исторической лингвистикой).

В основе когнитивной лингвистики лежит положение о том, что поведение и деятельность человека определяются в значительной степени его знаниями, а его языковое поведение – языковыми знаниями. И эта мысль с разных сторон рассматривается во всех перечисленных науках-источниках.

Можно вычленил следующие этапы формирования когнитивной лингвистики.

В США, где это направление зародилось, его чаще называют «когнитивная грамматика», что объясняется расширительным пониманием термина «грамматика» в англоязычной лингвистике, тогда как в России нередко используется термин «когнитивная семантика», указывающий на один из источников данного исследовательского начинания.

На русском языке впервые в 1985 г. когнитивная грамматика была представлена отечественному читателю в обзоре В.И. Герасимова. Отечественная когнитивная лингвистика начала развиваться с 80-х годов прошлого столетия. Для ее формирования важную роль сыграли следующие публикации работ по моделированию понимания естественного языка: русские переводы книг Т. Винограда «Программа, понимающая естественный язык» (1976, оригинал 1972) и Р. Шенка с коллегами «Обработка концептуальной информации» (1980, оригинал 1975), а также XII том «Нового в зарубежной лингвистике», специально посвященный данной тематике.

В 1988 г. в СССР появился XXIII том в серии «*Новое в зарубежной лингвистике*», посвященный когнитивным аспектам языка, а в 1995 был издан сборник переводов «*Язык и интеллект*».

Весомый вклад в развитие отечественной когнитивистики внесли работы таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др. Они постоянно подчеркивали в своих работах значение «человеческого фактора» в языке, а также тесную связь лингвистики с философией и психологией. Но до сих пор на всем постсоветском пространстве значимость термина «когнитивный» колеблется от приписывания всей современной научной парадигме названия «когнитивная» до объявления термина «когнитивный» «размытым и почти пустым» (Фрумкина, 1996, с. 55).

Особую роль для развития когнитивной лингвистики сыграла работа Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры», вышедшая в 1997 году. Это первый опыт систематизации ценностей русской культуры, которые заложены в концептах, константах культуры. Здесь описаны такие константы, как «Правда», «Закон», «Любовь», «Слово», «Душа», «Грех», «Наука», «Интеллигенция», «Огонь», «Вода», «Хлеб», «Письменность», «Число», «Время», «Родная земля», «Дом», «Язык» и др.

Обобщающим трудом в отечественной когнитивной лингвистике стал вышедший в 1996 г. под редакцией Е.С. Кубряковой «Краткий словарь когнитивных терминов», в котором собраны и систематизированы ключевые понятия общей когнитологии и когнитивной лингвистики.

На данном этапе развития перед когнитивной лингвистикой ставятся три главные *проблемы*: о природе языкового знания, о его усвоении и о том, как его используют. Поэтому исследования ведутся в основном по следующим *направлениям*:

а) виды и типы знаний, представленных в этих знаках (гносеология = теория познания), и механизм извлечения из знаков знаний, т.е. правила интерпретации (когнитивная семантика и прагматика);

б) условия возникновения и развития знаков и законы, регулирующие их функционирование;

в) соотношение языковых знаков и культурных реалий, в них отраженных.

В качестве центральной проблемы в когнитивной лингвистике все чаще выступает круг вопросов, связанных с установлением зависимостей и соотношений в когнитивной цепочке «разум (сознание) – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие» (Кравченко А.В., 2001, с. 3).

Решение данных проблем углубит наши представления о скрытых механизмах языковой коммуникации. Что можно сделать, чтобы мы лучше понимали друг друга? В какой степени язык точно и полно выражает наши мысли и чувства? Ответить на данные вопросы как раз и поможет когнитивная лингвистика.

Следовательно, сегодняшний подход к изучению языка настолько сложен и серьезен, что может квалифицироваться в качестве междисциплинарной когнитивной науки, объединяющей усилия лингвистов, философов, психологов, нейрофизиологов, культурологов – специалистов в области искусственного интеллекта и др.

Задачи. Согласно современным представлениям, основной *задачей* общей теории языка является объяснение механизма обработки естественного языка, построение модели его понимания. Так как в основе такой модели лежит тезис о взаимодействии различных типов знания, то лингвистика уже не обладает монополией на построение общей модели языка.

Лингвистическая теория должна отвечать не только на вопрос, что такое язык, но на вопрос, чего достигает человек посредством языка. В этой связи задачи когнитивной лингвистики следует определить, как попытку понять следующее:

- какова роль участия языка в процессах познания и осмысления мира;
- языковые знания в процессах получения, переработки и передачи информации о мире;
- процессы концептуализации и категоризации знаний, описание средств и способов языковой категоризации и концептуализации констант культуры;
- описание системы универсальных концептов, организующих концептосферу и являющихся основными рубриками ее членения;
- проблемы языковой картины мира.

Выделенные нами задачи когнитивной лингвистики Е.С. Кубрякова сгруппировала как «изучение языковых процессов, языковых единиц и категорий и т.п. в их соотношении с памятью, воображением, восприятием, мышлением» (Кубрякова, 2001, с. 32).

Предметом исследования в когнитивной лингвистике также являются **концепты**, наиболее существенные для построения всей концептуальной системы, прежде всего те, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения (Арутюнова, 1991).

Изучению природы концепта в когнитивной лингвистике уделяется первостепенное значение. Концепты – это посредники между словами и экстралингвистической действительностью, и значение слова не может быть сведено исключительно к образующим его концептам.

Концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру («авось» русских, «порядок» немцев и т.д.). Концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом (Маслова, 1997); это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие. Концепты – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений различных мнений.

Концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов. Они являются своего рода символами, эмблемами, определенно указывающими на породивший их текст, ситуацию, знания. Они являются носителями культурной памяти народа.

Ю.С. Степанов концепт и понятие справедливо считает терминами разных наук; понятие употребляется главным образом в логике и философии, тогда как концепт является термином в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии и лингвистике (Степанов, 1997, с.40). Отсюда их неизбежная и нежелательная интерференция.

Итак, многие лингвисты считают концепт значительно более широким, чем лексическое значение (В.И. Карасик, С.А. Аскольдов). Другие исследователи

считают, что концепт соотносится со словом в одном из его значений (Д.С. Лихачев, В.П. Москвин). Мы же считаем, что значение, концепт и понятие – это разные термины. Так, концепт и понятие – два параллельных термина: они принадлежат разным наукам: понятие – термин логики и философии, а концепт – математической логики, культурологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, хотя по своей внутренней форме (ВФ) они сходны. Концепт и значение также не находятся во взаимоднозначном соответствии. Концепт является собой относительно стабильный и устойчивый когнитивный слепок с объекта действительности, так как концепт связан с миром более непосредственно, чем значение. Слово же своим значением всегда представляет лишь часть концепта. Однако получить доступ к концепту лучше всего через средства языка, через слово, предложение, дискурс.

Репозиторий ВГУ

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что понимается под термином «научная парадигма»? Какие парадигмы знания можно выделить в лингвистике?
2. Как понимается термин «антропоцентрическая парадигма»? Что лежит в основе такого понимания?
3. Какие области лингвистических исследований сформировались в рамках антропоцентрической парадигмы?
4. Какова предыстория развития учения о тексте, т.е. лингвистики текста?
5. Как соотносятся понятия деятельности, общения и текста?
6. В чем сущность коммуникативно-деятельностного подхода к тексту?
7. Какова структура коммуникативной задачи и как ее можно применить к анализу художественного текста?
8. Чьи идеи легли в основы лингвокультурологии?
9. Как соотносить язык и культуру в исследованиях по лингвокультурологии?
10. Назовите основные особенности лингвокультурного описания Витебщины.
11. Назовите источники когнитивной лингвистики.
12. Каковы ее задачи?
13. Как вы понимаете термин «концепт»?

Задание 1. Законспектируйте работу Э. Сепира «Коммуникация» из книги: Язык. Знание. Коммуникация. Аутентичные материалы для самостоятельной работы. В трех частях. Ч. 1. Минск, 2003. С. 214-218.

Ответьте на следующие вопросы по тексту:

1. Что Э. Сепир понимает под невербальной коммуникацией?
2. Как понимает Э. Сепир разнообразие коммуникативных процессов в социуме (в пределах семьи, группы, нации в целом)?

Задание 2. Законспектируйте работу Р. Ладо «Лингвистика поверх границ культур» из книги: Язык. Знание. Коммуникация. Аутентичные материалы для самостоятельной работы. В трех частях. Ч. 1. Минск, 2003. С. 160-180.

Ответьте на следующие вопросы к тексту:

1. Как следует сопоставлять культуры?
2. Как сопоставлять лексические системы?
3. Как представлять результаты лексического сопоставления?

Задание 3. Из 20 приведенных фамилий лингвистов выберите 10, работающих в рамках антропоцентрической парадигмы.

Ю.Д. Апресян, А.Н. Афанасьев, Э. Бенвенист, Ф.И. Буслаев, Н.Н. Болдырев, И.И. Давыдов, В.И. Карасик, С.Д. Кацнельсон, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Т.П. Ломтев, А.М. Пешковский, М.М. Покровский, Э. Сепир, Г.В. Степанов, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, С. Толстая, Ф.Ф. Фортунатов, Р.О. Якобсон.

Задание 4. Из приведенных работ отметьте те, которые принадлежат Н.Д. Арутюновой и В. Гумбольдту:

1. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
3. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
4. Логико-философский трактат. М., 1958.
5. Язык и мир человека. М., 1998.
6. Актуальность прекрасного. М., 1991.
7. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
8. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.

Задание 5. Назовите 10 выдающихся лингвистов, чьи идеи легли в основу современной когнитивной лингвистики.

Задание 6. Назовите имена 7 белорусских лингвистов, которые работают в рамках антропоцентрической парадигмы.

Ключи к заданиям

Задание 1. Ответ на вопрос № 1 содержится на стр. 215, абзац № 2.

Ответ на вопрос № 2 находится на стр. 216, абзац № 1 и № 2.

Задание 2. Ответ на вопрос № 1 находится на стр. 163-168 (раздел 2).

Ответ на вопрос № 2 содержится на стр. 168-171.

Ответ на вопрос № 3 находится на стр. 178 (раздел 3).

Задание 3. Ю.Д. Апресян, Э. Бенвенист, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Э. Сепир, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, С. Толстая.

Задание 4. Н.Д. Арутюнова – 2 и 5.

В. Гумбольдт – 7.

Задание 5. Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулов, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, Ю.С. Сорокин, Ю.С. Степанов, Е.Ф. Тарасов, В.Н. Телия, Н.И. Толстой.

Задание 6. В.В. Мартынов, А.Е. Михневич, Б.Ю. Норман, Т.В. Павловская, Ю.Н. Панкрац, И.И. Токарева, З.А. Харитончик.